

Сталин и Китай в годы войны

В. А. Корсун*

Ретроспективный анализ китайско-советских и китайско-российских отношений, сама динамика эволюции которых предопределяет теорию и практику взаимоотношений КНР и Российской Федерации сегодня, немислим без учета фигуры И. В. Сталина, заложившего целый пласт стереотипов взаимовосприятия политических элит двух стран-соседей на многие годы вперед. Огромное множество публикаций различных российских и зарубежных, в первую очередь китайских, авторов, содержащих как детальный, так и комплексный анализ истории китайско-российских отношений в XX веке, несомненно, свидетельствуют о решающей роли «отца народов» в формировании политики Москвы на китайском направлении. Без учета этих публикаций, особенно в условиях, когда огромные блоки информации, содержащиеся в архивах, еще не стали достоянием общественности, невозможно воссоздать подлинную историческую картину и адекватно ответить на вопрос, сформулированный автором одного из фундаментальных исследований по данной теме, «какой именно подход требуется исследователю для рассмотрения столь противоречивой проблемы, как типология российско-китайских отношений, в которых прошлое и настоящее имеют в равной степени важное значение, если брать типологию этих отношений в качестве примера для преломления теории к эмпирической реальности»¹.

Не все еще документы советских архивов, проливающих свет на механизмы принятия внешнеполитических решений в СССР, доступны ученым. Более того, не все соображения,

высказывавшиеся советскими руководителями на заседаниях Политбюро, фиксировались в соответствующих протоколах, и нередко очень трудно выявить логику того или иного решения, формулируемого одной строчкой в протоколах заседаний высших партийных и государственных органов. Поэтому, пытаясь понять смысл поступков Сталина на международной арене, исследователи зачастую вступают в область догадок и предположений, сделанных на основе тех документов и свидетельств, что находятся в их распоряжении. Из обширного круга источников и литературы, от научно-исследовательской до мемуарной, мы выберем только аспекты сталинской политики по отношению к созданной по инициативе и при содействии Коминтерна в 1921 году КПК, а также реорганизованный в 1923–1924 гг. с помощью Москвы аналогичным образом как партия большевистского типа Гоминьдан, в критический для судеб китайского народа период сопротивления японской агрессии. Надеемся, что это позволит извлечь уроки из допущенных ошибок, оценить прошлое с позиции сегодняшнего дня, что даст возможность, в свою очередь, уяснить современное состояние наших отношений и наметить возможные ориентиры на будущее их взаимодействие.

В Отчетном докладе ЦК КПК на XII съезде коммунистической партии Китая было заявлено: «Нашей партии пришлось хлебнуть немало горя из-за той партии, которая, возмнив себя „партией-отцом“, пыталась взять нас под свой контроль»². Конечно же, имелась в виду ВКП(б)/КПСС, менторско-поучительный тон в отношении Китая отдельных руководителей которой,

* Владимир Андреевич Корсун — доцент кафедры Востоковедения МГИМО (У) МИД РФ.

а также «директивный стиль» руководства китайскими коммунистами со стороны ИККИ, рассматривающего КПК чуть ли не как аналог своего дальневосточного бюро, отмечает и ряд российских исследователей, таких, как С. Л. Тихвинский, А. В. Меликсетов, В. С. Мясников, М. С. Капица, О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков, А. М. Григорьев, Е. П. Бажанов, А. В. Панцов, А. Д. Воскресенский и др. Из-за отсутствия необходимой документальной базы специалисты — синологи разных стран и разных политических убеждений на протяжении многих лет не могли адекватно интерпретировать политику Москвы в Китае, причины и мотивы корректировок и поворотов в ее тактике, выявить действительные причины ее успехов, ошибок и провалов. При этом, следует иметь в виду, что в Москву поступала весьма противоречивая информация от представителей Коминтерна, Профинтерна, КИМа, различных советских работников в Китае, представителей Разведывательного управления Штаба РККА и других источников, которые далеко не всегда одинаково оценивали сложную, порой полную драматизма и противоречивую обстановку в Китае.

Отметим также, что Москва длительное время просто не располагала достаточным количеством специалистов по Китаю, а многие «эксперты» пытались доказать исключительную приемлемость для китайских условий опыта российских революций, классовой борьбы и Гражданской войны, а также практики развернувшейся в СССР сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Самым печальным, вероятно, было то, что на характер решений и механизм их принятия, в том числе по весьма деликатным кадровым вопросам в руководстве КПК, определяющее влияние оказывали внутренние процессы в СССР и политические дискуссии в ВКП(б). После поражения Красной армии под Варшавой в 1920 г. и провала восстания в Гамбурге в ноябре 1923 г., что ознаменовало собой завершение подъема революционной волны в Европе, внимание Москвы было переключено на работу на Востоке с целью подрыва «тылов империализма», и центром подобных дискуссий стала проблематика второго «национально-освободительного» дыхания мировой революции и конкретно перспектив революции в Китае. Причем, если в 1925 г., выступая на XIV съезде ВКП(б), Сталин предсказывал: «Силы революционного движения в Китае неимоверны. Они еще не сказались как следует. Они скажут-

ся в будущем. Правители Востока и Запада, которые не видят этих сил, не считаются с ними в должной мере, пострадают от этого»³, то из письма И. В. Сталина В. М. Молотову и Н. И. Бухарину от 9 июля 1927 г. следует, что он по существу признал поражение китайской революции. В этом письме он полагает, что «нельзя считать исключенной возможность интервала между буржуазной революцией и между *будущей* буржуазной революцией — по аналогии с тем интервалом, какой был у нас между 1905 г. и 1917 г. (февраль)» и подвергает резкой критике КПК, особенно за невыполнение директив ИККИ, за непонимание и неготовность к новой «аграрной фазе революции», за «болтовню» о гегемонии пролетариата, в которой КПК «ни бельмеса» не понимает и т. п.

В результате «чисток» и отстранения сначала (во второй половине 1927 г.) от руководства ВКП(б) и Коминтерна представителей «левой» оппозиции, возглавлявшейся Л. Д. Троцким и Г. Е. Зиновьевым, а в 1928–1929 гг. — Н. И. Бухарина и его сторонников под лозунгом борьбы против «правых» и «примиренцев к правым» произошло утверждение личной власти Сталина и решение ключевых вопросов деятельности Коминтерна, в том числе и на китайском направлении, сосредоточилось в руках И. В. Сталина⁴. С этого момента становится очевидным, что кто бы ни занимал пост министра иностранных дел СССР, М. М. Литвинов ли, В. М. Молотов или А. Я. Вышинский, какое бы участие ни принимали в процессе выработки внешней политики члены советского Политбюро, все они были не более, чем исполнителями воли одного человека, чье решение было беспрекословным и не подвергалось сомнению. Методы руководства международным коммунистическим движением, штабом которого выступал Коминтерн, были аналогичны тем, что сложились внутри партий: децентрализм, жесткая дисциплина, подчинение нижестоящих организаций вышестоящим, меньшинства большинству, конспиративность, навешивание классовых ярлыков, нетерпимость к возражению позиции «руководящего ядра» и особому мнению, что было равносильно предательству, измене делу марксизма-ленинизма. Партии слабые, малочисленные, теоретически плохо подготовленные, подобные КПК, были вынуждены безропотно, рискуя быть обвиненными в «раскольничестве» и «национализме», подчиняться указаниям и советам московского центра.

Примечательно, что именно китайские коммунисты наиболее охотно принимали навязанные правила игры по схеме «старший–младший» («учитель–ученик»), введя в духе стратагемной манеры самоуничтожения в оборот понятия «партия–отец», «СССР — старший брат» и скрупулезно восприняв в первую очередь советскую номенклатурную систему льгот и привилегий, спецраспределителей и спецпайков, кассового бронирования, эксклюзивного «цековского» здравоохранения и отдыха. Печальным является то, что политические установки, первоочередные и перспективные задачи зарождались в данной атмосфере в среде ближайшего окружения первых лиц в партии — их помощников, секретарей, переводчиков, а личные отношения между неизбежно становящимися харизматическими лидерами становились порой определяющими. Очевидно, что в сталинский период равноправия в советско-китайских межпартийных отношениях не было, и КПК лишь терпела данную ситуацию в силу своей слабости и изолированности. Неравноправный характер отношений, заложенный в этот период, когда КПК выступала в основном реципиентом советской финансовой и военной помощи на положении «ведомого», не был преодолен и впоследствии. В случае с КПК неравноправные межпартийные отношения, с учетом имеющих глубокие исторические корни этнопсихологических комплексов превосходства и конфуцианского китаецентризма, а также чувства оскорбленного достоинства китайских лидеров, мечтающих о восстановлении былого ведущего положения Китая в мире, были особенно чреваты негативными последствиями.

Вместе с тем, позитивный вклад Коминтерна и большевиков в развитие и укрепление международного коммунистического движения, включая его отряд в Китае, отмечают практически все китайские исследователи, не ставящие под сомнение то активное содействие становлению коммунистического движения на китайской земле, распространению идей марксизма-ленинизма, борьбе с оппортунистическими идейными течениями и детской болезнью «левизны» и ту огромную помощь, которую они оказали революционным силам Китая в деле освобождения и становления Китайской Народной Республики. В китайских монографиях дружно подчеркивается, что после поражения революции 1925–1927 годов «Коминтерн сформулировал курс на образование Советов», создав тем самым предпосылки для «нахождения правильного

пути китайской революции — захвата власти вооруженным путем»⁵. В одном из важнейших документов периода перехода КНР на путь экономических реформ и открытости в «Решениях по некоторым вопросам истории коммунистической партии Китая со времени образования Китайской Народной Республики» от 27 июня 1981 года подчеркивалось, что КПК «родилась под влиянием Октябрьской революции в России и движения „4 мая“ в Китае, с помощью руководимого Лениным Коммунистического Интернационала». Одновременно с этим, в «Решениях» отмечалось, что «возобладовавшая главным образом в конце 1920-х и начале 1930-х годов в международном коммунистическом движении и в рядах нашей партии ошибочная линия превращала марксизм в догму, а постановления Коминтерна и опыт Советского Союза в нечто священное. Это едва не завело китайскую революцию в тупик»⁶.

Следует подчеркнуть, что, критикуя Коминтерн за превращение его в чрезмерно централизованную «всемирную коммунистическую партию», что не способствовало сочетанию марксизма с революционной практикой каждой страны, вело к догматизму, бюрократизму и экстремистской болезни «левизны», современная китайская историография подвергает порочный волюнтаристский стиль «ручного управления» из Москвы Сталина (товарища Филиппова — это были долгие годы псевдоним Сталина для контактов с зарубежными компартиями) лишь до известного предела. В июле 1949 года, когда Лю Шаоци тайно приехал в Москву, Сталин, по версии китайских историков, таких, как ветеран дипломатической службы КНР У Сюцюань, выступавшего в качестве переводчика русского языка на начальном этапе китайско-советского взаимодействия, признал, что советская сторона в прошлом «неподобающим образом» вмешивалась в дела китайской революции. Он, якобы, сказал: «Мы мешали и препятствовали вам, и я по этому поводу испытываю угрызения совести»⁷.

Мао Цзэдун, постоянно сетовавший в беседах с советскими представителями, что Сталин считал «коминтерновцев» в рядах КПК своими, а его «третировал» как правого оппортуниста (известны слова Мао о том, что он хотел бы написать книгу о преступлениях Сталина по отношению к китайской революции, но позволит опубликовать ее только через 10 тысяч лет после своей смерти), не пошел, однако, слишком

далеко в осуждении «культы личности». После недолгого периода поддержки хрущевской де-сталинизации в официальной пропаганде КНР устоялась и поддерживается оценка, данная в свое время Мао Цзэдуном: в его деятельности 70% положительного, а 30% — ошибочного, или как заявил однажды представитель МИД КНР на пресс-брифинге: «Сталин занимает свое место в истории» и «в Китае к нему подходят принципиально, исторически, диалектически, объективно»⁸. Сталин, чьи неоднократно переиздававшиеся произведения, в т. ч. на пяти иностранных языках, по-прежнему обязательны для изучения в системах партийно-государственной и комсомольской учебы, продолжает оставаться противоречивой, но харизматической личностью, а критика его культа строго «купирована», ибо тотальное его развенчание затрагивает такую основу государственности КНР, как Мао Цзэдун, который, как известно, был для коммунистического Китая «и Лениным, и Сталиным, и Хрущевым, и Брежневым».

Перед лицом японской агрессии 18 сентября 1931 года в Маньчжурии, которая фактически спасла коммунистическое движение в Китае от полного разгрома со стороны армии Чан Кайши и позволила остаткам войск КПК переправиться в ходе длительного «великого похода» на север в так называемый «особый район Китая», у границ СССР и МНР со столицей в городе Яньани, в повестку дня встал вопрос о прекращении Гражданской войны и создании при содействии Москвы «второго единого фронта» между Гоминьданом, возможность влияния на политическое поведение лидеров которого посредством финансовой и военной помощи была утрачена Кремлем еще в 1927 году, и Компартией против общего врага — японских агрессоров. Выяснив для себя, что он явно переоценил революционный потенциал японского пролетариата и в равной мере недооценил живучесть японского «военно-феодалного империализма», И. В. Сталин в письме к Ворошилову от 27 ноября 1931 года вынужден констатировать: «Дела с Японией сложные, серьезные. Япония задумала захватить не только Маньчжурию, но, видимо, и Пекин... Более того, не исключено и даже возможно (выделено Сталиным), что она протянет руку к нашему Дальнему Востоку и, возможно, Монголии... Главное теперь в подготовке обороны на Дальнем Востоке»⁹.

Сталину хватило политической мудрости смириться с поражением арьергардных восста-

ний Китайской революции под лозунгом диктатуры пролетариата и советского движения, инспирированного ультралеваяцкой платформой в Политбюро ЦК КПК, известной как «линия Ли Лисаня», и, отбросив идеологическую риторику, всерьез заняться поисками путей перехода от политики советизации Китая к тактике единого национального антияпонского фронта. Не случайно, практически, за весь период с сентября 1931 года до известного своими решениями VII конгресса Коминтерна ИККИ не принял ни одной развернутой резолюции о задачах КПК и советского движения¹⁰. Между тем, жизнь сама диктовала китайским коммунистам во имя политического выживания обратиться 10 января 1933 г. ко всему китайскому народу с заявлением о том, что при условии немедленного прекращения наступления на советские районы «Красная армия готова заключить боевое соглашение с любыми воинскими частями о совместной вооруженной борьбе против японской империалистической агрессии»¹¹. Опубликованные документы дают возможность проследить все этапы длительного и трудного пути разработки уже после VII конгресса Коминтерна новой политической ориентации КПК и тактики антияпонского фронта в национальном масштабе на основе сотрудничества КПК и ГМД при активном содействии Секретариата ИККИ, дававшего рекомендации и корректировки, как непосредственно ЦК КПК, так и делегации КПК в ИККИ (она работала в Коминтерне до 1940 года) во главе с Ван Мином.

Следует отметить, что в самом Коминтерне начиная с середины 1930-х гг. и вплоть до роспуска Коминтерна в мае 1943 года практически не было дискуссий как по теоретическим, так и по другим китайским вопросам, а споры по проблемам реализации курса на длительное сотрудничество КПК и Гоминьдана и тактике КПК в едином фронте велись лишь внутри руководства КПК, однако полными материалами состоявшихся там дискуссий мы не располагаем. Характерно, что во время антияпонской войны Коминтерн и Кремль старались не вмешиваться (или, по крайней мере, не афишировали это) во внутренние дела КПК. Единственная попытка со стороны Секретариата ИККИ весной 1940 года высказать пожелание по некоторым кандидатам для включения в ЦК КПК была вежливо отклонена руководством КПК. На практике каждое серьезное решение по китайскому вопросу согласовывалось с Политбюро ЦК ВКП(б) или

с И. В. Сталиным, а Г. Дмитров, как и раньше, обращался за советами к Сталину по сюжетам китайской политики, что находит подтверждение в его дневнике и письмах к И. В. Сталину¹².

Едва ли не решающую роль сыграл Сталин в мирном разрешении так называемого «сианьского инцидента» в декабре 1936 года, когда удалось спасти жизнь и освободить Чан Кайши, арестованного генералами-путчистами Чжан Сюэляном и Ян Хучэном в г. Сиани, убедить руководство КПК, требующего казни гомиьдановского лидера, в недопустимости новой вспышки Гражданской войны и неприемлемости установки на одновременную борьбу против Гомиьдана и японских захватчиков. Помимо прочего, к этому времени НКВД уже существенно продвинулся в переговорах с правительством Нанкина и в контактах с Чан Кайши лично по вопросам советско-китайского сближения, естественно с учетом интересов сохранения как фактора китайской внутривнутриполитической жизни КПК и с оглядкой на Японию, с которой Москва не хотела обострения и конфликта. Терять в этой ситуации важного, влиятельного и надежного партнера по диалогу, особенно перед лицом давления мощной прояпонски настроенной группировки в Гомиьдане, было бы крайне неразумно. Свою «благонадежность» китайский лидер неоднократно доказал, дав многочисленные заверения в том, что «в случае конфликта СССР с Японией китайский народ будет на стороне русского»¹³, неоднократно отвергнув предложения Токио о перемирии и «союзе против большевизма», весьма сдержанно отреагировав на продажу СССР КВЖД «Маньчжоу-го» 23 марта 1935 года, на небывалую активность Советского Союза в Синьцзяне, где у власти находился демонстративно лояльный Москве дубань Шэнь Шицай, а также на подписание без консультаций с Нанкином 12 марта 1936 года советско-монгольского протокола о взаимопомощи. Для Сталина «Сианьский инцидент», в определении Гомиьдана, возглавляемого Чан Кайши, как главной силы, способной противостоять агрессии Японии, стал настоящим «моментом истины». По его прямому указанию Исполком Коминтерна потребовал от КПК обеспечить «мирное решение конфликта» и спасти жизнь руководителю Гомиьдана, после чего, благодаря вмешательству Москвы, Чан Кайши был благополучно освобожден¹⁴.

В свою очередь, Чан выполнил обещание, данное им специально прибывшему в Сиань

эmissару ЦК КПК Чжоу Эньлаю, и уже в феврале 1937 года третий пленум ЦИК Гомиьдана принял постановление, создававшее предпосылки для примирения с коммунистами. Поворот на 180° в тактике КПК дался нелегко, но уже 8 июля 1937 года, то есть на второй день после массированного нападения Японии на внутривнутри Китай, ЦК КПК выступил с обращением к нации с призывом к единению, а 15 июля 1937 года передал Нанкину декларацию о сотрудничестве с Гомиьданом (Чан Кайши разрешил опубликовать ее лишь 22 сентября), в которой предусматривалось, в частности, преобразование Красной армии в части Национально-революционной армии и выступление их по приказу Военного совета Национального правительства на фронт. Чан Кайши выступил со своим заявлением 23 сентября 1937 года, что явилось отправным моментом в установлении единого национального фронта, который не имел какой-либо организационной формы, но фактически легализовал КПК и ее армию.

В полемике, мягко говоря, с некорректной концепцией, утвердившейся в китайской и западной историографии периода 1937–1945 гг., исходящей из того, что успешное развитие КПК в эти годы происходило без помощи Кремля и даже вопреки ему, а помощь Советского Союза оказывалась якобы только Гомиьдану, приведем недавно опубликованное известным китайским историком Ян Куйсуном детальное исследование по доступным источникам о финансовой помощи Коминтерна Компартии Китая за 1920–1944 годы¹⁵. Всего только финансовой помощи из Москвы Компартии Китая в 1937, 1938, 1940 и 1941 годах поступило 3 852 394 ам. долл. а кроме этого КПК получала различное имущество, технические, медицинские средства, а в 1937 году на деньги Москвы была создана военная школа в Урумчи для подготовки военнотехнических кадров КПК¹⁶. Характерно, что в беседе 23 февраля 1940 года Сталина с лечившимся в СССР Чжоу Эньлаем на заявление последнего, что ежемесячная финансовая «брешь» КПК составляет 58 280 ам. долл., а финансовая «брешь» армии 300 тыс. ам. долл., Сталин сказал, что «он очень занят, не успевает прочесть многие вещи», но помощь гарантировал¹⁷. Рассматривался даже вопрос о поставках КПК оружия и другой военной техники, в частности танков, но из-за невозможности партии обеспечить нелегальную их доставку от границы МНР до территории, контролируемой Компартией, сделать это не удалось.

Наконец, не забудем, что в дополнение к Договору о ненападении была достигнута договоренность о предоставлении Китаю советской военной техники, боеприпасов и снаряжения (своей военной техники, за исключением винтовок, Китай в то время не производил) в счет льготных кредитов (к 1939 году — 450 млн долл.), и при этом было особо оговорено, что четвертая-пятая часть помощи оружием должна была выделяться нанкинским правительством 8-й и Новой 4-й армиям коммунистов. Справедливости ради, отметим, что на деле эта доля составляла к 1939 году лишь $\frac{1}{40}$ часть, а в начале 1940 года Гоминьдан вовсе прекратил делиться с коммунистами поступающей помощью, ввиду начавшихся внутри «единого фронта» вооруженных конфликтов. Уже на первых переговорах в Москве о предоставлении Китаю военной помощи И. В. Сталин заявил китайской делегации: «Кто хочет быть независимым, тот должен организовать свою военную промышленность... Мы вам дадим сколько угодно моторов... мы вам дадим инструкторов»¹⁸. 14 октября 1939 года Комитет обороны СССР принял решение построить в Урумчи на паях с Китаем авиасборочный завод мощностью 300 истребителей в год¹⁹. Кроме того, в помощь Китаю были направлены более 5000 советских военных советников (В качестве главного военного советника Чан Кайши неоднократно просил направить к нему В. К. Блюхера, блестяще зарекомендовавшего себя в период Северного похода, не зная, что Блюхер находился под следствием в Лефортовской тюрьме, где 8 ноября 1938 года умер под пытками) и летчиков-добровольцев, 200 из которых погибло. Можно констатировать, что к сентябрю 1939 года более 80% военно-технической помощи Китайской Республике приходилось на СССР и лишь менее 20% на США и Европу²⁰. Отметим без ложного пафоса, что данная безальтернативная помощь (до марта 1938 года в Китае работали немецкие советники, после чего помощь была свернута) расценивается не как содействие исключительно Гоминдану, а как поддержка через официальное правительство борьбы всего китайского народа против японских агрессоров²¹. В целом, объем финансовой и военной помощи смог реально поддерживать деятельность КПК и ее организации, помочь им выжить в сложной борьбе и превратиться в реальную силу на политической арене Китая в 40-е годы XX века.

В плане межгосударственных отношений несомненным детищем дипломатии «византий-

ской школы» Сталина было подписание 21 августа 1937 года в Нанкине советско-китайского Пакта о ненападении и 13 апреля 1941 года советско-японского Пакта о нейтралитете. Первые контакты Москвы и предварительные переговоры по поводу заключения договоров начались с Токио (по инициативе Москвы) еще в 1926–1927 годах, а с Нанкином (по инициативе Чан Кайши) параллельно с восстановлением (к огромному неудовольствию Японии) советско-китайских дипломатических отношений 12 декабря 1932 года. По вполне понятным причинам долгие переговоры велись строго конфиденциально и в строгом секрете от третьей стороны «треугольника». Впрочем, была еще и «четвертая» сторона — КПК, но Кремль сделал все, чтобы предотвратить распад единого фронта и не допустить перед лицом японского вторжения новой Гражданской войны. К июлю 1932 года СССР имел договоры о ненападении и нейтралитете с восьмью из девяти своих соседей на западных и южных границах (за скобками оставалась только Румыния из-за Бессарабии), и это вписывалось в общий контекст ключевых внешнеполитических приоритетов Москвы. В условиях нарастания японской агрессии в регионе Дальнего Востока и угрозы возникновения советско-японской войны данная проблематика приобретала особую актуальность.

Сталин, который держал руку на пульсе дальневосточных событий, оперативно, даже находясь на отдыхе в Сочи, реагировал на регулярно направляемые ему аналитические записки, собственноручно правил тексты практически всех вариантов договоров, желая избежать военного столкновения с Японией, дал добро на признание «де-факто» еще весной 1932 г. «Маньчжоу-Диго», открыв консульства этого марионетного государства в Чите и Благовещенске, на перевозки японских войск по КВЖД и на продажу этой железной дороги в 1935 г. «Маньчжоу-го». Чан Кайши, не желавший достижения компромисса Москвы и Токио за счет интересов и в ущерб территориальной целостности Китая, а также втайне мечтавший столкнуть СССР и Японию в военном конфликте, не доверял Сталину и, надолго замариновав процесс подписания Договора, постоянно шантажировал Москву кошмаром сепаратной сделки с Токио. Он неоднократно посылал в Москву своих личных эмиссаров — видных гоминьдановских деятелей, в прошлом известных дружественным отношением к СССР (Цзян Цзинго, Сунь Фо, Хэ

Яоцзу, Шао Лицзы), дабы прощупать реальные намерения Кремля и обеспечить себе свободу рук для любого маневра. Лишь после «сианьского инцидента» и возвращения в марте 1937 г. в Нанкин из СССР старшего сына Чан Кайши Цзян Цзинго с его женой Фаиной Вяхревой и сыном (Сталин уделял особое внимание сыновьям лидеров Китая и перед отъездом вручил Цзян Цзинго, так же, как и сыну Мао Мао Аньину в 1946 г., именное оружие на память), в советско-китайских отношениях сложилась более доверительная атмосфера. Не осталось незамеченным и то, что параллельно с этим Москва оказывала активную политическую поддержку Китаю в Лиге Наций и других международных организациях, куда Китайская Республика неоднократно и безуспешно обращалась с просьбами обуздать агрессора.

Подписанный 21 августа 1937 г. в Нанкине полпредом Д. В. Богомоловым и министром иностранных дел Ван Чжунгем Договор о ненападении выходил за рамки традиционно принятых и фактически может рассматриваться как договор о взаимной помощи сторон. Параллельно Богомолов сделал устную декларацию о том, что СССР «не заключит какого-либо договора о ненападении с Японией до того времени, пока нормальные отношения Китайской Республики и Японии не будут формально восстановлены», а Ван Чжунгуй (в свете подписанного 25 ноября 1936 г. Германией и Японией «Антикоминтерновского пакта») заявил, что «Китайская Республика не заключит в течение действия договора о ненападении...какого-либо договора с третьей державой о так называемых совместных действиях против коммунизма, который практически направлен против СССР»²².

Известна дальнейшая трагичная судьба Богомолова, который в сентябре 1937 г. был вызван в Москву и арестован, а вскоре — расстрелян. Помимо прочего, Богомолову инкриминировалось прозвучавшее однажды из его уст предложение заключить с Нанкином договор о взаимопомощи, его неспособность предвидеть начала китайско-японской войны летом 1937 г. и неумелое составление текста устной декларации, оставляющей, по мнению Кремля, свободу рук Китаю и практически полный запрет заключения пакта ненападения СССР с Японией. В присущей сталинской манере видеть даже за оплошностями сознательный «вражеский» расчет: в данном случае столкнуть лбами СССР и Японию, кремлевский руководитель в беседе

с послом Ян Цзэ 18 ноября 1938 г. охарактеризовал Богомолова как «троцкиста» и «плохого информатора», зло добавив при этом: «А плохих информаторов мы арестовываем». Позже вождь практически взвалил на смещенного полпреда вину за все трудности и проблемы, возникшие в советско-китайских отношениях в 1933–1937 гг.²³.

В ответ на очередную попытку убедить СССР вступить в войну против Японии, предпринятую китайским послом Ян Цзэ 18 ноября 1937 г., Сталин заявил: «Если Китай будет успешно отражать натиск Японии, СССР начинать войну не будет. Если же Япония начнет побеждать, СССР вступит в войну»²⁴. Данное заявление Сталина, очевидно, было обусловлено поступавшей из советских загранучреждений информацией, не предвещавшей серьезных поражений китайской армии. Но китайские войска в тот период уже отступали из Шанхая и положение было критическим. Вероятно, новый кадровый состав советского полпредства и консульств после отзыва полпреда Д. В. Богомолова, военного атташе А. Я. Лепина и других опытных работников не в состоянии был дать объективный анализ событий в стране. В последующем Сталин стал более скуп на подобные обещания, предпочитая быть более осторожным в вопросах возможного подключения СССР в войну против Японии, но более благосклонно рассматривать просьбы китайской стороны о расширении всемерной помощи «великому китайскому народу в его героической освободительной войне против агрессора», обуславливая ее уже другим: «Мы сможем оказывать регулярную помощь Китаю при том условии, если не будет войны в Европе»²⁵.

Одна из главных задач советской дипломатии на первом этапе отражения японской агрессии была решена: Китай не капитулировал. Японская сторона 29 раз по разным каналам обращалась к китайскому правительству с предложениями о мире на ее условиях, но Чан Кайши оставался верен курсу на достижение целостности и независимости китайского государства. В Китае, между тем, внимательно следили за развитием событий в Европе, не теряя надежды вовлечь европейские державы в китайско-японский конфликт. Подобная перспектива открылась после начала войны в Европе, поражения Франции и разгрома английской армии под Дюнкерком, когда Япония поддалась соблазну не упустить благоприятный момент

для захвата азиатских колоний западных держав. И. В. Сталин после нападения Германии на Польшу 1 сентября 1939 г. дал ошибочную характеристику начавшейся Второй мировой войны как империалистической с обеих сторон и, к изумлению Чан Кайши, пошел на заключение 23 августа 1939 г. Договора о ненападении с Германией, известного как «Пакт Молотова–Риббентропа» и Договора о дружбе и границе СССР и Германии 28 сентября 1939 г.

Следует учитывать, что Кремлю приходилось действовать в ситуации «все против всех» и принимать решения буквально в цейтноте. Напряженность в советско-японских отношениях, вызванная в том числе и поставками вооружения Китаю, быстро обнаруженными японской разведкой, вылилась в пограничные конфликты. Операции Красной Армии в 1938 г. в районе озера Хасан и крупномасштабные бои в 1939 г. в районе реки Халхин-Гол стали конкретной военной помощью и фактическим участием СССР в войне на стороне Китая. На фоне этого «Мюнхенская сделка», японо-британское соглашение «Арита–Крейги», непрекращающиеся «мирные» предложения в адрес Чан Кайши со стороны Японии, а также со стороны Германии, вплоть до приглашения Китаю вступить в «Антикоминтерновский пакт» ставили советское государство перед перспективой внешнеполитической изоляции и непосредственной опасностью войны одновременно в Европе и на Дальнем Востоке, причем без союзников.

Все вышеизложенное заставило уделить большее внимание Японии, и без этого занимавшей в системе внешнеполитических приоритетов Сталина место гораздо важнее Китая, и активизировать замороженные японо-советские консультации, чему способствовал пересмотр военных планов Токио и переориентация главного вектора дальнейшей японской экспансии на Юг, в чем не последнюю роль сыграло поражение японской армии на Халхин-Голе (с советской стороны участвовало около 60 тыс. бойцов — погибли 7632 чел., а с японской — около 75 тыс. — погибло 8632 чел.) Несмотря на строжайшую секретность, информация о возможности достижения некоего советско-японского компромисса за счет Китая дошла до Нанкина. Посол Китайской Республики в Москве Ян Цзэ посетил НКВД СССР и в беседе с заместителем наркома С. А. Лозовским, выполняя инструкции Чан Кайши, спросил, верны ли слухи, муссируемые на Дальнем Востоке о том, что СССР

якобы предложил Японии заключить договор о ненападении, а Япония откликнулась на это предложение и что Германия и Италия советуют Токио заключить соответствующий договор. С. А. Лозовский ответил, что среди этих слухов, судя по газетам, наиболее вероятен последний. На прямой вопрос Ян Цзэ, какова будет позиция Советского Союза, если японское правительство действительно выдвинет какое-либо конкретное предложение относительно упомянутого договора, замнаркома ответил, что на данном этапе трудно что-либо сказать, международная обстановка весьма сложна и решения будут приниматься с учетом всего комплекса вопросов²⁶.

В этом же 1939 году 13 ноября советский полпред А. С. Панюшкин был вызван на аудиенцию с Чан Кайши, во время которой китайского руководителя интересовало два вопроса: не изменилась ли политика СССР в отношении Китая в свете того, что в докладе наркома иностранных дел В. М. Молотова, посвященном очередной годовщине Октября (1939 г.) Китай не был упомянут, а также вопрос о том, будет ли СССР продолжать продавать Японии сырье после того, как США с будущего года прекратят снабжение Японии военными материалами и сырьем. Полпред попытался как мог успокоить Чан Кайши и снять излишнюю настороженность китайского правительства относительно политики Кремля, вручив китайскому лидеру телеграмму И. В. Сталина и В. М. Молотова, в которой отсутствие упоминания Китая интерпретируется как неизменность политики СССР в отношении Китая²⁷. Неизвестно, насколько это успокоило Чунцин (куда к этому времени переместилось гоминьдановское правительство), но в январе 1940 г. Чан Кайши направил письмо маршалу К. Ворошилову с настойчивой просьбой не прекращать материальной и технической помощи Китаю²⁸.

Согласно недавно опубликованным документам, 2 июля 1940 г. в беседе с наркомом Молотовым японский посол в Москве Того Сигэнори внес в вербальной ноте на рассмотрение советского правительства проект пакта о нейтралитете, одним из условий подписания которого, много раз повторенный С. Того, был отказ от помощи правительству Чан Кайши²⁹. Молотов счел необходимым заверить японского посла в том, что и раньше СССР оказывал помощь Китаю исключительно из экономических соображений, получая за поставки цветные металлы, так же как и СССР, вынужденный расплачиваться за военную помощь — станками, заводским обо-

рудованием, военной техникой — в счет кредита на 200 млн германских марок от Германии по торговому соглашению от 19 августа 1939 г., погашая его поставками сырья и продовольствия. 30 октября 1940 г. новый посол Японии в России Татэкава Ёсицугу на встрече с Молотовым заявил о желании японского правительства заключить с СССР пакт о ненападении, аналогичный советско-германскому Пакту о ненападении от 23 августа 1939 г., на что 18 ноября 1940 г. последовал ответ советского наркома о том, что «советское общественное мнение не сможет благожелательно воспринять заключение пакта о ненападении, если он не будет сопровождаться восстановлением территориальных потерь, понесенных Россией на Дальнем Востоке, а именно утратой в свое время Южного Сахалина и Курильских островов»³⁰. Поэтому Молотов предложил вернуться к обсуждению пакта о нейтралитете, как не предусматривающего разрешение территориальных проблем, что встретило понимание японской стороны лишь весной 1941 г., когда в Европу был направлен министр иностранных дел Ёсукэ Мацуока для реализации одобренных кабинетом министров Японии «новых принципов ведения переговоров с Германией, Италией и Советским Союзом». Заслуживает цитирования характер беседы Мацуока со Сталиным (в отличие от получасовой беседы с Молотовым, эта беседа длилась более часа), в которой, пытаясь оправдать заключение Тройственного пакта Японии, Германии и Италии 27 сентября 1940 г., японский министр заявил, что «мы выдвигаем лозунг — долой индивидуализм и капитализм, но для этого нужно уничтожить англо-саксов» и «Япония ведет войну не с китайским народом, а с англо-саксами, т. е. с Англией и Америкой», а также с Чан Кайши, который является слугой англо-саксонских капиталистов³¹.

Когда уже казалось, что советско-японские переговоры закончились провалом из-за Сахалина (Япония была готова купить Северную часть острова, а СССР, в ответ, Южную), за день до отъезда на родину Мацуока был приглашен в Кремль и вопрос был сдвинут с мертвой точки — 13 апреля 1941 г. был подписан, а 24 апреля ратифицирован Пакт о нейтралитете сроком на пять лет, что означало, что даже в случае его денонсации одной из сторон, он продолжал бы иметь силу до 25 апреля 1946 г. Как мы видим, столь раздраматизированная в свое время устная декларация Богомолова не помешала Сталину заключить договор с Японией, который

противоречил если не букве (здесь была игра в слова: между «нейтралитетом» и «ненападением» якобы большая дистанция), то духу декларации, которая, впрочем, вероятно с самого начала рассматривалась Кремлем не более, чем неофициальным «джентльменским обещанием», которое Советский Союз вправе был взять обратно, если того потребуют его национально-государственные интересы. Пакт о нейтралитете безусловно был выгоден как Советскому Союзу, так и Японии. В набравшей обороты Второй мировой войне Сталин стремился обезопасить дальневосточные границы СССР с тем, чтобы в случае острой необходимости, перебросить оттуда дивизии на западный фронт. Япония, в свою очередь, увязнув в войне с Китаем, стремилась лишиться Чан Кайши советской помощи, а с другой стороны, она, обезопасив свои тылы, получила возможность захватывать стратегические плацдармы и присваивать ресурсы более слабых стран на южном направлении.

Возвращаясь к теме Китая, можно констатировать, что уже к осени 1940 г. отношения Москвы и Чунцина оказались в «замороженном» состоянии. Отдавая себе отчет в значимости для Китая советской помощи, Чан Кайши и другие официальные лица Китайской Республики неоднократно направляли Сталину послания, в которых выражали благодарность СССР за сочувствие и помощь китайскому народу и выражали надежду на ее продолжение³². Советское руководство и Наркомвнешторг под различными предлогами не принимали вновь назначенного посла Китайской Республики в Москве Шао Лицзы и не отвечали на письменные просьбы посольства о возможности провоза через территорию СССР грузов, закупленных для Китая в третьих странах³³. Чан Кайши, крайне обеспокоенный слухами о возможности советско-японских переговоров, направил запрос Сталину, на что кремлевский руководитель ответил, что «не знает, насколько эти слухи соответствуют действительности»³⁴. В одном из своих последних писем на имя Чан Кайши от 16 октября 1940 г. И. В. Сталин дал китайскому руководителю дельный совет в «этой сложной и противоречивой международной обстановке» сохранять и укреплять китайскую национальную армию: «Национальная китайская армия есть носитель судьбы, свободы и независимости Китая. Если Ваша армия будет сильна, Китай будет неуязвим»³⁵. Когда, наконец, 17 октября 1940 г. посол Китайской Республики был принят заместителем наркома

иностранных дел А. Вышинским, то ему стало понятно, что «политика СССР в отношении Китая не изменилась, а помощь приостановлена»³⁶. Шао Лицзы попытался выяснить у другого заместителя наркома иностранных дел С. А. Лозовского, что означает извещение торгпреда в Китае о возможности выполнения заявок на поставки из СССР, сделанных Китаем только до 10 марта 1941 г., на что ему ответили, что это связано с техническими трудностями, находящимися в компетенции Наркомвнешторга³⁷. До сведения посла не была доведена информация о том, что 18 марта 1941 г. Наркомвнешторг издал приказ о запрещении импорта в воюющие страны оружия, оборудования и медикаментов, материалов, используемых в военных целях, а в апреле того же года в СССР был также запрещен транзит этих товаров.

11 апреля 1941 г. посол СССР в Китае А. С. Панюшкин заверил Чан Кайши в том, что Советский Союз не намерен жертвовать интересами дружественной державы³⁸. Уже два дня спустя, 13 апреля, было объявлено о заключении советско-японского договора о нейтралитете. По совместной Декларации о взаимном уважении, сопровождавшей пакт, Япония признавала МНР в обмен на признание Советским Союзом Маньчжоу-го³⁹. Главным элементом пакта было обязательство не помогать третьим странам в следующей редакции Статьи 2: «В случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта»⁴⁰. 12 июня 1941 г. наркомом по иностранным делам В. М. Молотовым и послом Японии в СССР Татэкавой были парафированы торговый договор и соглашения о транзите товаров и учреждении торговых представительств обеих стран.

Весть о советско-японском договоре потрясла Китай, где эта шокирующая новость была расценена как нарушение советско-китайского пакта о ненападении от 1937 г. Китайская общественность оценила этот акт как «национал-эгоистический», а китайская пресса квалифицировала его как вероломную измену союзническим обязательствам⁴¹. Чан Кайши, правда, попытался «сделать хорошую мину», заявив в беседе с полпредом А. С. Панюшкиным 19 апреля 1941 г., что, «несмотря ни на что, вера нашего народа в Сталина остается непоколебимой... Мне хотелось бы только надеяться на то,

что если СССР будет предпринимать какие-либо шаги в отношении Японии, то это не будет тайной для нас»⁴². Несмотря на неоднократные заверения НКВД СССР и советского полпреда А. Панюшкина в том, что помощь Китаю со стороны Москвы не уменьшится, советско-китайские отношения начали ухудшаться, а помощь Китаю по государственной линии прекратилась.

На данный сюжет наложились и другие драматические события, также не способствовавшие взаимному доверию Москвы и Чунцина. В начале 1941 г. Китай оказался на пороге возобновления Гражданской войны из-за событий в южной части пров. Аньхой, где части Новой 4-й армии якобы отказались перебазироваться по приказу НРА Китайской Республики на северный берег Хуанхэ, т. к. войска коммунистов были укомплектованы местными жителями, неохотно покидавшими родные места, 6 января 1941 г. были внезапно атакованы гоминьдановскими войсками. Погибло около 7 тыс. бойцов, курсантов, медперсонала и членов семей командиров, командующий 4-й армией Е Тин был взят в плен и содержался в заточении до 1946 г., а обе стороны наперегонки стремились довести до Сталина собственные версии событий. Полпред СССР и главный военный советник В. И. Чуйков после бесед с представителями КПК Чжоу Эньлаем и Е Цзяньином, которые буквально рвались в бой (Чжоу Эньлай даже обвинил Гоминьдан в стремлении «поглотить» КПК), пришли к заключению, что Чан Кайши, видимо, понял, что ни СССР, ни Англия, ни США не будут в значительных объемах оказывать вооруженную помощь Китаю и решил на обострение отношений с КПК, дабы в дальнейшем получить возможность маневра в зависимости от позиции держав.

Перспектива развертывания в Китае гражданского конфликта ни в коей мере не устраивала Москву, и советский полпред заявил руководству КПК, что «основным противником КПК в настоящее время остается по-прежнему Япония», «нужно во что бы то ни стало сохранить сотрудничество с Гоминьданом», но одновременно следует «реабилитировать себя и показать широким народным массам подлинного виновника событий», при этом, однако, «не ссылаться на Чан Кайши как на организатора событий»⁴³. 25 января 1941 г. Чан Кайши встретился с советским полпредом и заверил его, что речь не идет об общеполитическом мероприятии или смене курса, а разоружение ча-

стей Новой 4-й армии является лишь вопросом воинской дисциплины. Сталину же он направил очередное письмо с благодарностью за помощь Китаю в войне сопротивления⁴⁴. По поручению И. В. Сталина генеральный секретарь Исполкома Коминтерна Г. Димитров телеграфировал в Яньань, в штаб-квартиру КПК: «Мы считаем, что разрыв не является неизбежным, наоборот, опираясь на массы, которые стоят за сохранение единого фронта, надо сделать все зависящее от компартии и от наших военных, чтобы избежать развертывания междоусобной войны. Просим пересмотреть Вашу позицию по этому вопросу и сообщить нам свои соображения и предложения. Дмитров»⁴⁵. Решительная позиция Кремля по «Аньхойскому инциденту» сыграла важную роль в предотвращении полного распада единого фронта в Китае.

Новая эпоха открылась в международных отношениях 22 июня 1941 г., когда Германия вероломно напала на Советский Союз, и началась Великая Отечественная война. С началом гитлеровской агрессии против Советского Союза руководство ВКП(б) всю свою политику подчинило задаче разгрома фашистской Германии и ее сателлитов и на выполнение этой задачи мобилизовало все силы Коминтерна. Сталин и его окружение нацеливали Коминтерн на организацию европейского движения Сопротивления и национально-освободительной антифашистской войны⁴⁶. Антифашистская стратегия отвечала не только интересам Советского Союза, но и совпадала с жизненными интересами всех народов. 23 июня 1941 г. ЦК КПК опубликовал директиву партийным организациям «Задачи КПК в условиях нападения фашистской Германии на СССР». В Директиве, подписанной Мао Цзэдуном, подчеркивалась необходимость крепить единый антияпонский фронт, сотрудничество КПК и ГМД, в области внешних отношений объединиться для борьбы против общего врага со всеми теми, кто в Англии, США, других странах выступает против фашистских правителей Германии, Италии и Японии. 21 июля 1941 г. Чан Кайши, в свою очередь, направил И. В. Сталину телеграмму от имени армии и народа Китая с пожеланиями полной победы⁴⁷.

Неожиданная для Сталина агрессия Германии привела к катастрофическому положению на западном фронте СССР и огромным бедствиям советского народа. Прекращение помощи Китаю было обосновано не только желанием Кремля любой ценой избежать войны на два

фронта, но и критической ситуацией в самом Советском Союзе. К концу 1941 г. встал вопрос о целесообразности пребывания в Китае советских военных советников, многие из которых воевали в составе китайской армии наравне с китайскими бойцами. Помимо прочего, их положение осложнило то, что те из них, кто находился на фронтах в зонах соприкосновения частей Гоминьдана и КПК, обязаны были, следуя указаниям из Москвы, не допускать разгрома коммунистических частей, даже если зачинщиками столкновений выступали коммунисты. В ответ на эту пристрастность гоминьдановское правительство приняло решение вывести их из зон соприкосновения и использовать главным образом на работе в военных учебных заведениях. И уже в феврале 1942 г. Кремль принял решение об их отзыве на родину. Еще раньше, в 1941 г., вернулись советские летчики (всего с конца 1937 г. по 1941 г. в Китай было направлено около 700 летчиков и техников, которые в первый период антияпонской войны приняли на себя главный удар японских военно-воздушных сил).

Вследствие конфликтов в ставшем сферой особого внимания Кремля Синьцзяне с губернатором Шэн Шицаем (обратившимся в 1941 г. с предложением к Москве образовать Советскую Республику Синьцзян и включить ее в состав СССР, но получившим отказ Кремля), парализовавших работу советских и советско-китайских предприятий, СССР демонтировал и вывез оборудование смешанных предприятий. В мае 1943 г. были закрыты все торговые организации и отозваны все торговые представители и специалисты, а также выведен кавалерийский полк Красной Армии и отозваны все военные советники. Эта акция принесла убытки Советскому Союзу, он недополучил товары на сумму в 22,5 млн долл., после чего все экономические связи с Советским Союзом через Синьцзян, а также налаженные связи Коминтерна с КПК через Синьцзян были прекращены⁴⁸. Кульминацией политики Сталина в Синьцзяне явилась вооруженная поддержка илийского восстания и образование 15 ноября 1944 г. Восточно-Туркестанской Республики во главе с Алихан-Тюре, просуществовавшей до 1949 года⁴⁹.

7 декабря 1941 г. Япония вероломно, без объявления войны совершила нападение на основные базы США и Великобритании в бассейне Тихого океана и в Юго-Восточной Азии, после чего японо-китайская война стала частью

Второй мировой войны. После начала войны на Тихом океане укрепилось международное и финансовое положение правительства Чан Кайши. США стали уделять больше внимания Китаю и уже в марте 1942 г. подписали с Чунцинем соглашение о предоставлении Китайской Республике 500 млн долл. В Юго-Западном Китае строились аэродромы для американской авиации. В Китай прибывали самолеты, летчики и техники США, а также многочисленные представители и эмиссары Вашингтона. Так же, как и «информаторы» Сталина, они были крайне недовольны пассивностью как гоминьдановских, так и коммунистических войск на фронтах войны. Они считали недопустимым растрату сил и энергии на междоусобные разборки ГМД и КПК, что существенно снижало общий антияпонский потенциал и расшатывало конструкцию «единого фронта», заявившую о себе как плодотворной тактике в деле сопротивления агрессору. Эта тактика сыграла важную роль для развития КПК и ее вооруженных сил.

Здесь уместно осветить вопрос, который, по мнению многих западных, советских и китайских исследователей, бросает тень на отношения Москвы с КПК. В июне и сентябре 1941 г. ИККИ и советское руководство по особым каналам обращались к ЦК КПК с просьбой послать части регулярной армии и партизанские отряды для проведения боевых операций в Южную Маньчжурию в случае нападения Японии на Советский Союз. ЦК КПК 18 июля 1941 г. телеграммой на имя Г. Дмитрова дал ответ на просьбу советского руководства, суть которого сводилась к тому, что в существующей обстановке КПК не могла послать войска 8-й армии к южным границам Маньчжурии, сильно укрепленными японцами. «Если же мы будем действовать, несмотря ни на какие жертвы, тогда не исключена возможность, что мы будем разбиты и не в состоянии упорно отстаивать партизанские базы в тылу противника длительный период»⁵⁰. Когда 20 июля 1941 г. Г. Дмитров передал содержание этой телеграммы ЦК КПК В. М. Молотову, тот беспристрастно-дипломатично ответил: «С линией поведения ЦК Компартии Китая согласны. В отношении боеприпасов (ЦК КПК в той телеграмме просил подкрепления боеприпасами, пулеметами и т. п.) — пока не давать обещания»⁵¹. Как говорится, неприятный осадок остался.

Несмотря на всю сложность своего положения, СССР оказал финансовую помощь китайским коммунистам в размере 1 млн аме-

риканских долларов, которая была выделена решением Политбюро ЦК ВКП(б) 3 июля 1941 г. на военные нужды КПК и переправлена частями по различным каналам. «Конкретную военную помощь» Мао Цзэдуну, в т. ч. радиопередатчики, радиокомплекующие, было решено переправлять через «окно» на границе МНР с Китаем⁵². Сталин рассчитывал использовать китайских коммунистов для отвлечения японских армий, предотвращения их нападения на СССР, но руководство КПК отнюдь не хотело ставить под удар свои войска. Общеизвестен лозунг, который Мао выдвинул в выступлении перед слушателями партшколы в Яньани в ноябре 1941 г.: «10 процентов собственных сил — на борьбу с Японией, 20 процентов — на борьбу с гоминьданом, 70 процентов — на рост своих сил». КПК предпочитала участвовать лишь в локальных операциях против японских войск, применяя тактику партизанской войны (Вспомним в связи с этим рекомендации, которые дал Сталин, провозжая Ван Мина и Кан Шэна на родину 11 ноября 1937 года: «Её тактика должна заключаться в... том, чтобы тревожить противника, заманивать его внутрь страны и бить ему в тыл. Необходимо взрывать коммуникации, железнодорожные мосты, [используемые] японской армией». Сравним это с формулой Мао «враг наступает — мы отступаем; враг остановился — мы тревожим; враг утомился — мы бьем; враг отступает — мы преследуем», ставшей буквально мантрой для бойцов КПК).

Очевидно, что, обретя свою «вотчину», Мао Цзэдун не особенно стремился сражаться с японцами, предпочитая накапливать собственные силы, укреплять тылы и готовиться к решающей схватке за вождельную власть в Китае. Еще большую свободу рук получили китайские коммунисты после роспуска Коминтерна, в связи с чем ЦК КПК принял специальное решение от 26 мая 1943 г., выразив полное согласие с предложением Президиума ИККИ о роспуске этой «всемирной компартии», отдав должное помощи Коминтерна Компартии Китая, в том числе в течение шести лет войны сопротивления Японии: «В целом во все периоды существования Коминтерна Коминтерн использовал все возможные силы для помощи китайскому народу, испытывающему бедствия и трудности». Вместе с тем в решении ЦК КПК указывалось, что «уже давно китайские коммунисты могли полностью и самостоятельно на основе конкретных особенностей и особых условий вырабатывать

собственные политические установки, тактику и действия»⁵³.

Что касается официальных межгосударственных отношений СССР и Китайской Республики, то в 1941–1943 гг. они существенно охладились, что было связано с возникшими разногласиями и резким сокращением советской военно-технической помощи Китаю и торговли с ним. Москва, помимо желания любой ценой избежать войны на два фронта, чисто физически из-за тяжелого положения на советско-германском фронте (что давало основание предсказывать аналитикам в Чунцине скорое крушение СССР под натиском Германии) не в состоянии была поддерживать прежний уровень военных поставок Китайской Республике, лишь 9 декабря 1941 г. официально объявившей войну Японии, Германии и Италии. К середине 1943 г. были отозваны практически все военные советники из Китая, однако Москва сохранила влияние на ситуацию в стране, что, в частности, позволило ей параллельно с американской дипломатией принять меры по недопущению войны между КПК и Гоминьданом в 1943 г, а по мере кардинальных изменений ситуации на советско-германском фронте развернулся и процесс нормализации отношений с Китайской Республикой. Будучи союзниками де-факто, а с 1 января 1941 г. (после их присоединения в Вашингтоне к Декларации Объединенных Наций) и де-юре, СССР и Китай, однако, вплоть до самого конца Второй мировой войны продолжали строить отношения на базе пакта о ненападении 1937 года (в 1942 г. он был продлен на новый пятилетний срок).

С 28 ноября по 1 декабря 1943 г. в Тегеране состоялась конференция глав союзных держав США, СССР и Великобритании, на которой Сталин впервые, откликаясь на многочисленные просьбы союзников, официально заявил о готовности СССР вступить в войну с Японией после победы над гитлеровской Германией⁵⁴, что стало бы сильной поддержкой Китаю в анти-японской войне, а также помогло бы ускорить окончание Второй мировой войны. Это заявление Сталина было закреплено 11 февраля 1945 г. на конференции в Ялте, где главы трех союзных держав — США, СССР и Великобритании подписали Ялтинское соглашение с его секретной частью, в которой было зафиксировано, что «через два–три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну с Японией на стороне Союзников при условии 1) сохранения

нынешнего статуса Внешней Монголии (Монгольская Народная Республика); 2) восстановления всех прав России, которых она лишилась в результате вероломного нападения Японии в 1904 г.: а) возвращения Советскому Союзу южной части о. Сахалин и всех прилегающих к ней островов; б) обеспечения статуса международного торговому порту Дальний (Далянь, Дайрэн) с предоставлением преимущественных прав в нем Советскому Союзу, восстановления аренды порта Порт-Артур (Люйшунь) как военной базы СССР; в) создания советско-китайского совместного предприятия и установления совместного управления Южно-Маньчжурской железной дорогой от г. Дальний до КВЖД с предоставлением СССР льготных прав пользования ею при сохранении суверенных прав Китая на территории Маньчжурии; 3) передачи Советскому Союзу Курильских островов»⁵⁵.

С учетом того, что содержащиеся в секретном приложении вопросы, затрагивающие суверенитет Китая, рассматривались в отсутствие представителя Китайской Республики, главы трех государств участников Ялтинской конференции согласились в том, что для обеспечения выполнения всех требований СССР необходимо согласовать их с правительством Гоминьдана. Сталин, в свою очередь, заявил о своей готовности подписать договор о дружбе с Китайской Республикой еще до вступления в войну с Японией. Считая, что союзнические обязательства, данные США и Великобритании, имеют «преимущественную силу», Москва устами Молотова, принявшего японского посла Наотакэ Сато, денонсировала 5 апреля 1945 г. Пакт о нейтралитете с Японией. 8 августа 1945 г. пригласил японского посла Сато и объявил, что, поскольку «союзники обратились к Советскому Союзу с предложением включиться в войну против японской агрессии и тем самым сократить сроки окончания войны, сократить количество жертв и содействовать скорейшему восстановлению всеобщего мира», со следующего дня Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией⁵⁶. Еще 30 июня 1945 г. в Москву прибыла делегация, которую возглавлял председатель Исполнительного юаня, он же министр иностранных дел Китая шурун Чан Кайши Сун Цзывэнь, а в состав вошли Ван Шицзэ, сменивший в ходе переговоров Сун Цзывэня на посту министра иностранных дел, Цзян Цзинго — сын Чан Кайши, Фу Бинчан — китайский посол в Москве и др. Со 2 июля делегация

официально начала переговоры о заключении союзного договора, ставшие апофеозом дипломатии Сталина на китайском направлении.

И. В. Сталин, предварительно ознакомив Сун Цзывэня с секретной частью Ялтинской декларации, лично в присущей ему жесткой манере вел переговоры, которые выявили значительные расхождения сторон во взглядах о путях решения обсуждавшихся проблем, в первую очередь по вопросу о независимости МНР и принадлежности КВЖД и ЮМЖД. Сталин отнёс попытки китайской стороны отложить рассмотрение, как не требующего настоящего решения, вопроса о Внешней Монголии, китайский суверенитет над которой был признан СССР по соглашениям, подписанным в 1924 г. с пекинским правительством и в 1937 г. с правительством Нанкина. Напротив, вопрос о полном суверенитете Монголии Сталин считал первостепенным, так как, по его мнению, Внешняя Монголия стала «буфером, обеспечивающим безопасность СССР на Северо-Востоке» и «если СССР не будет иметь законного права самообороны в Монголии, то в дальнейшем»... в свете того, что «Германия и Япония и после капитуляции по-прежнему останутся сильными державами... Советский Союз может потерять весь Дальний Восток». Наконец, «народ Внешней Монголии не захочет присоединяться ни к Китаю, ни к СССР, а потребует независимости», что имеет для Китая «больше положительных, чем отрицательных сторон»⁵⁷.

По поводу связывающей Владивосток и Сибирь КВЖД (напомним, проданной Советским Союзом в 1935 г. «Маньчжоу-го») Сталин, не сомневаясь, что право собственности на нее должно принадлежать ее строителям (России), настоял на том, чтобы эта дорога вместе с ЮМЖД (никогда не принадлежавшая СССР), связывающая КВЖД с незамерзающими портами Порт-Артур и Дальний (находились в аренде России вместе с заливом и прилегающими территориями сроком в 25 лет по российско-китайской конвенции от 27 марта 1898 г.), были в совместном управлении и совместно эксплуатировались, а в будущем, по истечении оговоренного срока, были бы возвращены Китаю. Аналогичной позиции Сталин придерживался и в отношении портов Льюйшунь и Далянь, добившись не только восстановления концессии Порт-Артура как военно-морской базы СССР и интернационализации Дальнего как торгового порта, но и обеспечения преимущественных прав в этом порту для СССР⁵⁸.

Таким образом, Сталин мыслил не только в категориях «восстановления прав, утраченных в результате агрессии», но и в понятиях «льготы», «преимущества», «территориальные уступки» и «трофеи», встретившие непонимание союзника — Китая и чуть было не заведшие переговоры в тупик. Не случайно, правительство Чан Кайши неоднократно обращалось в Вашингтон, безуспешно настаивая на вмешательстве США в ход Московских переговоров, чтобы заставить СССР изменить свою позицию и в ряде вопросов уступить Китаю в вопросах уважения его суверенитета и целостности в Маньчжурии, ибо Сталин намекнул, что в случае недоговоренности, готов рассматривать эти вопросы, как исключительно касающиеся советско-японских отношений. Сдвинуться с мертвой точки удалось только на четвертой встрече 9 июля 1945 г., когда Сун зачитал текст телеграммы Чан Кайши, одобренный ЦИК ГМД, в которой китайская сторона соглашалась на «совместную эксплуатацию вышеупомянутыми портами и железными дорогами в течение 20 лет», призывая СССР «оказать содействие Китаю в подавлении беспорядков в Синьцзяне» (Восточно-Туркестанская республика грозила превратиться в третью после МНР и Маньчжурии «буферную зону» вдоль границы) с «Алтайским хребтом... в качестве части этой провинции», выражая пожелание, чтобы «всякая помощь — политическая, материальная или моральная... оказывалась Советским правительством только Центральному правительству Китая», а также в принципе соглашаясь на решение монгольского вопроса путем «плебисцита монгольского народа»⁵⁹. На китайского премьера самое благоприятное впечатление произвели заверения Сталина о том, что «СССР полностью признает суверенитет Китая над Маньчжурией», что «китайских коммунистов советская сторона не поддерживает и не думает поддерживать», что «в Китае существует только одно правительство, и если имеется другое, то как и отношения между партиями — это внутреннее дело Китая» и «он интересуется этим постольку, поскольку его заботит будущее Китая»⁶⁰.

Окончательный импульс достижению соглашения дало введение 9 августа 1945 г. советских войск на территорию Китая в рамках Маньчжурской стратегической наступательной операции, цель которой заключалась в разгроме японской Квантунской армии, освобождении Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) и Северной Кореи. 14 августа, т. е. в день, когда японский

император Хирохито объявил о безоговорочной капитуляции, состоялось подписание Договора о дружбе и союзе между Советским Союзом и Китаем и ряда связанных с ним соглашений. Договор предусматривал обязательства сторон «вести войну против Японии до окончательной победы» и «взаимно оказывать друг другу всю необходимую военную и другую помощь и поддержку», а после разгрома Японии совместно принимать все меры для того, чтобы «сделать невозможным повторение агрессии и нарушение мира Японией». Договор носил обоюдovýгодный характер, был действительно равноправным (позднее, впрочем, КПК и Сталин радикально поменяют эти характеристики) и закладывал хорошую основу для всестороннего сотрудничества между СССР и Китаем. Были подписаны также соглашения о порядке совместной эксплуатации СССР и Китаем в течение 30 лет КВЖД и ЮМЖД (обе дороги объединялись под названием КЧЖД и провозглашались общей собственностью)⁶¹, совместного использования в течение 30 лет Порт-Артура как военно-морской базы и порта Дальний в качестве свободного порта, открытого для торговли и судоходства всех стран при сдаче половины всех портовых сооружений оборудования в бесплатную аренду Советскому Союзу сроком на 30 лет.

Таким образом, Москва получила правовую основу для реализации своей дальневосточной политики и использования железнодорожной сети и морских портов Северо-Восточного Китая как в военных целях против Японии, так и в реализации своей дальневосточной стратегии. В нотах, которыми 14 августа 1945 г. обменялись обе стороны, СССР выразил готовность оказать Китаю моральную и материальную поддержку, уважать его суверенитет над Маньчжурией и вывести свои войска не позднее, чем через три месяца после капитуляции Японии. Китай заявил о признании независимости Внешней Монголии, если монгольский народ путем плебисцита подтвердит свое стремление к этому. Такой плебисцит в МНР состоялся 20 октября 1945 г., и весь народ высказался за независимость своей страны. Учитывая итоги голосования, Китай в январе 1946 г. вынужден был признать статус-кво МНР.

Итак, накануне вступления СССР в войну с Японией политическая карта Китая являла собой следующую картину: часть страны — Северо-Восточный Китай (Маньчжу-диго) — находилась под фактической оккупацией Японии. Гоминь-

дановское правительство (с центром в г. Чунцине) контролировало $\frac{3}{4}$ территории страны и имело многомиллионную армию. Силы КПК базировались в так называемых «освобожденных районах» (центр — г. Яньань) с населением около 150 млн человек⁶². Несмотря на декларацию о создании единого антияпонского фронта, подлинного соединения вооруженных сил Гоминьдана и КПК так и не случилось. Стремление обоих китайских лидеров, Чан Кайши и Мао Цзэдуна, к объединению под своей властью всего Китая, а также противоречивость и непоследовательность внешнеполитической ориентации китайских руководителей препятствовали успеху освободительной войны. Лидер Гоминьдана Чан Кайши, видевший опору в борьбе против распространения коммунистического влияния в Китае в правительстве Соединенных Штатов, одновременно стремился избежать конфликта с СССР и использовать с максимальной выгодой результаты победы Советской Армии над японцами. Соглашаясь в принципе с известной позицией Е. П. Бажанова, который, корректируя однозначно отрицательную интерпретацию в советской историографии диалога КПК с Вашингтоном в 1930–1940-х годах, утверждает, что в целом это «санкционировалось» Москвой в силу ряда соображений относительно их «целесообразности» на данном этапе исторического развития⁶³, отметим, что потуги Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая и других лидеров КПК произвести максимально благоприятное впечатление на эмиссаров из США даже ценой принижения значимости для них отношений с СССР не могли прибавить взаимного доверия Сталина и лидеров КПК.

Так, например, можно только догадываться, какое впечатление на Сталина произвела информация от его резидентуры в Китае (а чаще информаторами Сталина становились сами китайские лидеры, постоянно обращающиеся к «вождю народов» с жалобами и друг на друга и на советских специалистов) о том, что Мао, с радостью узнав о денонсации 5 апреля 1945 г. советским правительством пакта о нейтралитете с Японией от 13 апреля 1941 г., выразил надежду, что советские вооруженные силы «освободят Внутреннюю Монголию для КПК... разгромят Квантунскую армию в Маньчжурии, и лавры побед советского оружия достанутся Яньяни»⁶⁴. В итоге, даже суровые военные будни не могли изгладить из души Сталина, не любившего признаваться в своих собственных неудачах и просчетах и с радостью переключившего

ответственность за них на других, глубокого недоверия к КПК и ее лидеру, Мао Цзэдуну, который, проведя в 1942 г. тотальную «чистку» партии, в 1943 году, воспользовавшись роспуском Коминтерна, добился своего избрания на пост председателя ЦК КПК. А всего через два года, пользуясь чрезвычайной загруженностью Сталина и его соратников, ухитрился добиться того, чтобы проходивший тогда VII съезд КПК официально принял решение, что КПК «во всей своей работе руководствуется идеями Мао Цзэдуна» (а не идеями Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина, как остальные компартии)⁶⁵.

Подводя итоги дальневосточной политики Сталина на китайском направлении в военный период, следует признать, что, несмотря на некоторые шараханья, непоследовательность, а порой авантюризм и цинизм отдельных внешнеполитических шагов Кремля, Советскому Союзу удалось избежать войны на два фронта, с минимальными потерями внести существенный вклад в ускорение поражения японских захватчиков и капитуляцию Японии 2 сентября 1945 г., оказав существенное влияние на внутривосточную ситуацию в Китае, предопределив, в конечном счете, коммунистическую перспективу развития этой страны. Ликвидация японского милитаризма позволила и оформление союзных отношений

с гоминьдановским правительством Китая, дали возможность СССР снять накопившиеся негативные «наслоения» в виде потерь стратегически важных для Советского Союза земель и сухопутных и морских коммуникаций, создав тем самым, с одной стороны, потенциал обострения двусторонних отношений, а с другой, объективные условия для оздоровления общей ситуации в Северо-Восточной Азии. Творцом этой политики был Сталин, Оставаясь в целом пленником коммунистической парадигмы, Сталин пережил существенную эволюцию взглядов, в ходе которой перевес брали прагматизм над идейностью и геополитика над идеологией, эволюцию, вызванную изменениями международной обстановки и связанную с накоплением советским лидером опыта в международных делах, а также все большим стремлением подчинить внешнеполитическую конъюнктуру своеобразно понимаемым им национальным интересам. Поистине символической иллюстрацией подобной эволюции служат слова Цзянь Цзинго, который в 1945 г. на вопрос секретаря в приемной перед кабинетом Сталина в Кремле А. Н. Поскребышева, что ему бросилось в глаза в Москве по сравнению с 1930-ми годами, ответил, что раньше в кабинете Сталина висел портрет Ленина, а теперь изображение Петра Первого (!).

¹ Воскресенский А. Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М., 1999, С. 11.

² Жэньминь жибао, 1982. 8 сентября.

³ Сталин И. В. Соч. Т. 7, С. 293.

⁴ См. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. III. 1927–1931. ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае, Ч. 1. М. 1999, С. 34–35.

⁵ Луань Цзинхэ. Синь Чжунго чэнли цянъси сулянь дуй хуа чжэнцэ поуси (Изучение внешней политики СССР по отношению к Китаю до образования КНР) // Дандай Чжунго ши яньцзю. 2003. № 2. С. 97.

⁶ Агентство Синьхуа, 1981. 1 июля.

⁷ У Сюцюань. Восемь лет в Министерстве иностранных дел. — Шицзе чжиши, 1983, № 16. С. 9.

⁸ Синьхуа, 1988. 11 мая.

⁹ Кен О. В. Мобилизационное планирование и политические решения. СПб., 2002. С. 206.

¹⁰ ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. IV. Ч. 1. С. 27.

¹¹ ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. IV. Ч. 1. С. 247. Док. № 100.

¹² См. Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Коминтерн 1919–1943. Документы. М., 2004. С. 15, а также: Георги Димитров. Дневник (март 1933 — 6 февраля 1949). София, 1997.

¹³ АВП РФЮ Ф. 0100, оп. 18, п. 179а, д. 4, л. 166.

¹⁴ Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Коминтерн, 1919–1943 гг.: Документы. М., 2004, С. 742.

¹⁵ См. Ян Куйсун. Гунчан гоцзи вэй чжунгун тигун цайчжэн юаньчжу цинкуанчжи каоча (Исследование положения с финансовой помощью Коминтерна Компартии Китая) // Чжунхэ гуаньсидэ лиши юй сяньши (История и современное состояние китайско-российских отношений). Хэнань дасюэ чубаньшэ. 2004. С. 232–273.

¹⁶ ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. V. ВКП(б), Коминтерн и КПК в период антияпонской войны. Август 1937 — май 1943, М. 2007. Док. №№ 65, 126, 140, 157, 180, 198, 202, 217)

- ¹⁷ РГАСПИ, ф.495, оп.74, д.317; Цит. по Ян Куйсун. Указ. Соч. С. 266.
- ¹⁸ Русско-китайские отношения в XX в. Т. 4. С. 646.
- ¹⁹ Там же. С. 522.
- ²⁰ Очерки истории Министерства иностранных дел России. М., 2002. С. 260.
- ²¹ Подробнее см. Бородин Б. А. Помощь СССР китайскому народу в антияпонской войне, 1937–1941. М., 1965.
- ²² Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 4. М., 2000, Форзац.
- ²³ Подробнее см. Соколов В. В. Забытый дипломат Д. В. Богомолов // Новая и новейшая история. 2004. № 3, С. 195.
- ²⁴ Русско-китайские отношения в XX в. Т. 4; Советско-китайские отношения. Кн. 1; 1937–1944 г. М., 2000. Док. № 121. С. 156.
- ²⁵ Мясников В. С., Ледовский А. М. Отношения СССР с Китаем в период японо-китайской войны (1937–1945) // Русско-китайские отношения в XX в. Т. 4; Советско-китайские отношения. Кн. 1; 1937–1944 г. М., 2000. С. 249.
- ²⁶ Русско-китайские отношения в XX в. Т. 4. Кн. 1, Док. № 378, С. 494.
- ²⁷ Русско-китайские отношения в XX в. Т. 4. Кн. 1, Док. № 410, 412.
- ²⁸ Там же. С. 565.
- ²⁹ Там же. С. 600.
- ³⁰ Архив внешней политики РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 28. Д. 388. Л. 2.
- ³¹ Дипломатический вестник. 1974, № 23–24, С. 72–74.
- ³² Русско-китайские отношения в XX в. Т. 4. Кн. 1, Док. № 443, С. 586, Док. № 430, 432, 433.
- ³³ Там же. С. 613, 615–617.
- ³⁴ Там же. С. 623.
- ³⁵ Там же. Док. № 466, С. 622.
- ³⁶ Там же. С. 620, 623–624.
- ³⁷ Там же. С. 643.
- ³⁸ Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши). Советская Россия в Китае. Воспоминания и размышления в 70 лет. М., 2009. С. 121.
- ³⁹ Там же. С. 121–122.
- ⁴⁰ Внешняя политика СССР: Сборник документов. М., 1946. Т. 4. С. 550.
- ⁴¹ Русско-китайские отношения в XX в. Т. 4. С. 646.
- ⁴² Там же. Док. № 477. С. 646.
- ⁴³ Там же. Док. № 469. С. 628.
- ⁴⁴ Русско-китайские отношения в XX в. Т. 4. Док. № 471, 473.
- ⁴⁵ Цит. по: Коминтерн и II мировая война. Ч. 1, М., 1994. С. 500–501.
- ⁴⁶ См. Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Коминтерн 1919–1943. Документы. М., 2004. Док. №№ 205, 207, 211.
- ⁴⁷ Русско-китайские отношения в XX в. Т. 4. Док. № 482. С. 652.
- ⁴⁸ Сладковский М. И. Китай: основные проблемы истории, экономики, идеологии. М., 1977, С. 131
- ⁴⁹ См. Галенович Ю. М. «Белые пятна» и «болевые точки» в истории советско-китайских отношений, 2 т., М., 1992.
- ⁵⁰ ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. V. ВКП(б), Коминтерн и КПК в период антияпонской войны. Август 1937 — май 1943, М. 2007. Док. № 186.
- ⁵¹ Там же. Прим. 1 к док. № 186, Док. № 188.
- ⁵² Там же. С. 480, 540, 556.
- ⁵³ Там же. Док. № 291. А также: Гунчаньгоцзи хэ чжунго гэмин цзяосюэ цанькао цзыляо (Коминтерн и китайская революция: справочные материалы). Пекин, 1983, Т. 1–2.
- ⁵⁴ Громыко А. А. Памятное. М., 1988. Кн. 1. С. 177.
- ⁵⁵ Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers. The Conference at Malta and Yalta 1945. Washington, 1955. P. 984.
- ⁵⁶ Правда. 1945. 9 августа.
- ⁵⁷ АВП РФ, ф. 45, оп. 1, п. 322, л. 4–5; Русско-китайские отношения в XX в. Т. 4. С. 74.
- ⁵⁸ АВП РФ, ф. 45, оп. 1, п. 322, л. 6–7; Русско-китайские отношения в XX в. Т. 4. С. 75.

⁵⁹ Чжунхуа миньго чжунъяо шиляо чубань — Дуйжи канчжань шици ди сань бян (Первый сборник главных материалов по истории Китайской Республики — период антияпонской войны. Глава 3), Тайбэй, 1981, Т. 2. С. 609–619.

⁶⁰ Там же. С. 620.

⁶¹ Соглашение о Китайской Чанчуньской железной дороге от 14 августа 1945 г. // Сладковский М. И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем, 1917–1974 гг. Прил. С. 343.

⁶² Меликсетов А. В. Победа китайской революции, 1945–1949. М., 1989. С. 43–57.

⁶³ Бажанов Е. П. Китай и внешний мир. М., 1990. С. 41–42.

⁶⁴ Владимиров П. П. Особый район Китая, 1942–1945. М., 1973. С. 502.

⁶⁵ Панцов А. В. Мао Цзэдун. М, 2007. С. 480–492.